

ВСЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ ШКОЛЬНОЙ ПРОГРАММЫ В КРАТКОМ ИЗЛОЖЕНИИ

- Основное содержание произведений
- Биографии писателей
- Анализ текста
- Литературная критика
- Теория литературы

7
класс

«Астрель»

Игорь Родин

**Все произведения школьной
программы в кратком
изложении. 7 класс**

«Автор»

2003

Родин И. О.

Все произведения школьной программы в кратком изложении. 7
класс / И. О. Родин — «Автор», 2003

В книгу включены все произведения, составляющие школьную программу 7 класса, а также те, которые изучаются факультативно («по выбору учащихся», «по выбору учителя») и в курсе внеклассного чтения. Есть раздел, посвященный мифологии и фольклору, произведениям зарубежных авторов. У данной книги есть и еще одна цель: сориентировать учеников в мире литературы для детей и юношества, указать лучшие образцы в разных жанрах: от классической литературы до приключений и фантастики.

© Родин И. О., 2003

© Автор, 2003

Содержание

От авторов	5
Фольклор	6
Общие сведения:	6
Святогор и Микула Селянинович	8
Илья и Соловей-разбойник	9
Из литературы XIX века	16
А. С. Пушкин	16
Сведения об авторе:	16
Полтава	16
Медный Всадник	28
Повести Белкина	35
Конец ознакомительного фрагмента.	38

И.О. Родин

Все произведения школьной программы по литературе в кратком изложении. 7 класс

От авторов

Данное учебное пособие уникально и не похоже на те, которые уже существуют. В первую очередь, это касается огромного охвата материала, который вошел в это издание. Помимо краткого содержания произведений (но вместе с тем достаточно подробного, чтобы ответить на любой вопрос), в книге содержатся интересные биографические сведения об авторах, об истории создания того или иного художественного произведения.

В книгу включены все произведения, составляющие школьную программу 7 класса, а также те, которые изучаются факультативно («по выбору учащихся», «по выбору учителя») и в курсе внеклассного чтения. Есть раздел, посвященный фольклору, произведениям зарубежных авторов. У данной книги имеется и еще одна цель: сориентировать учеников в мире литературы для детей и юношества, указать лучшие образцы в разных жанрах: от классической литературы до приключений и фантастики.

Успехов Вам на поприще изучения литературы!

И. О. Родин

Фольклор

Общие сведения:

Слово «фольклор» обозначает всю совокупность устного народного творчества (в том числе и мифы), и в буквальном переводе с английского означает «народная мудрость», «народное знание» (folk lore). В фольклоре различают огромное множество жанров. Это и сказки, и мифы, и так называемые «суеверные рассказы» («бывальщины» и «былички»), и обрядовая поэзия, и былины.

Одной из важных составных частей фольклора всех стран является *героический эпос* (например, для англичан это «Беовульф», для немцев – «Песнь о Нибелунгах», для финнов – «Калевала», для французов – «Песнь о Роланде», для американцев – «Песнь о Гайавате»). Героический эпос, как правило, представляет собой цикл поэтических произведений, объединенных сквозным героем и повествующий о его (их) великих деяниях, причем герой, стоящий в центре повествования, является воплощением чаяний всего народа, защитником его интересов. Для русского народа таким героическим эпосом стали *былины*. Русские былины (называвшиеся ранее «старинами») писались специальным ритмическим стихом и предназначались для публичного исполнения под музыкальный аккомпанемент (как правило, гуслей). Этим объясняются особенности построения былин, наличие в них рефренов (повторов), постоянных эпитетов и возвышенной лексики. Центральный персонаж былин – это богатырь, стоящий на страже Русской земли, ее чести и независимости. Деятельность богатырей лежит в основе ее могущества и славы. Например, Добрыня Никитич устраняет постоянную угрозу Киеву со стороны чудовищазмея, совершавшего набеги на город и уводившего в плен множество людей, Алеша Попович освобождает город от бесчинствующего в нем Тугарина, Илья Муромец расправляется с Идолищем поганым и Соловьем-разбойником.

Былины, как жанр, развивались на протяжении достаточно длительного времени, пока не приняли своего нынешнего вида. Большинство былин образуют циклы. Наиболее известным является Киевский цикл. Действие былин этого цикла приурочено к Киеву, ко времени княжения князя Владимира. Часто былины имеют реальные прототипы своих героев: например, прототипом былинного Добрыни Никитича был дядя Владимира Святославича по матери, его сподвижник в военных и политических предприятиях. Кроме того, в основе былин могут лежать реальные исторические события: например, былины «Добрыня и змей» и «Женитьба Владимира» связаны с конкретными историческими событиями – введением христианства на Руси (988 год) и женитьбой киевского князя на полоцкой княжне Рогнеде (980 год).

Другой известный цикл – Новгородский. Новгород, наряду с Киевом, был колыбелью русской государственности. Наиболее популярная былина из этого цикла – «Садко».

Достаточно длительное время на Руси существовала традиция рукописных сборников, в которые вносились произведения литературного и устного творчества. Самые ранние записи былин дошли до нас в списках второй половины XVII века. В середине XVIII века на Урале или в Западной Сибири сложился получивший впоследствии мировую известность сборник Кириши Данилова. Это имя стояло на первой странице рукописи и, возможно, указывало на имя составителя. Сборник был опубликован в 1804 году.

В середине XIX века (1861–1867 года) выходят «Песни, собранные П. Н. Рыбниковым», представлявшие собой сборник былин, собранных в ряде местностей, прилегающих к Онежскому озеру и реке Онеге. В тех же краях собирал былины и А. Ф. Гильфердинг. За два месяца им было собрано 247 былин, вышедших впоследствии под заглавием «Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года».

Эти сборники положили начало пристальному изучению и собиранию героических эпических сказаний русского народа. Впоследствии были опубликованы былины, собранные в Поволжье, в Сибири, на Алтае и в особенности на Европейском Севере (Беломорье, Печора).

Святогор и Микула Селянинович

Поехал Святогор путем-дорогою широкою, и по пути встретился ему прохожий. Припустил богатырь своего добра коня к тому прохожему, никак не может догнать его: поедет во всю рысь, прохожий идет впереди; ступою едет, прохожий идет впереди. Проговорит богатырь таковы слова:

– Ай же ты, прохожий человек, приостановись немножечко, не могу тебя догнать на добром коне.

Приостановился прохожий, снимал с плеч сумочку и кладывал сумочку на сыру землю. Говорит Святогор-богатырь:

– Что у тебя в сумочке?

– А вот подыми с земли, так увидишь.

Сошел Святогор с добра копя, захватил сумочку рукою, – не мог и пошевелить; стал здымать обеими руками, только дух под сумочку мог подпустить, а сам по колена в землю утраз. Говорит богатырь таковы слова:

– Что это у тебя в сумочку наложено? Силы мне не занимать стать, а я и здынуть сумочку не могу.

– В сумочке у меня тяга земная.

– Да кто ж ты есть и как тебя именем зовут, звеличают как по изотчины?

– Я есть Микулушка Селянинович.

Илья и Соловей-разбойник

Из того ли то из города из Муроме,
Из того села да с Карачарова
Выезжал удаленький дородный добрый
 молодец.
Он стоял заутреню во Муроме.
А и к обеденке поспеть хотел он в
 стольный Киев-град.
Да и подъехал он ко славному ко городу
 к Чернигову.
У того ли города Чернигова
Нагнано-то силушки черным-черно,
А и черным-черно, как черна ворона.
Так пехотою никто тут не прохаживат,
На добром коне никто тут не проезживат,
Птица черный ворон не пролетывают,
Серый зверь да не прорыскиват.
А подъехал как ко силушке великоей.
Он как стал-то эту силу великую,
Стал конем топтать да стал копьем колоть,
А и побил он эту силу всю великую,
Он подъехал-то под славный
 под Чернигов-град.
Выходили мужички да тут черниговски
И отворяли-то ворота во Чернигов-град,
А и зовут его в Чернигов воеводою.
Говорит-то им Илья да таковы слова:
«Ай же мужички да вы черниговски!
Я нейду к вам во Чернигов воеводою.
Укажите мне дорожку прямоезжую,
Прямоезжую да в стольный Киев-град».
Говорили мужички ему черниговски:
«Ты удаленький дородный добрый молодец,
Ай ты славный богатырь да святорусский!
Прямоезжая дорожка заколодела,
Заколодела дорожка, замуравела,
А и по той по дорожке прямоезжею
Да и пехотою никто да не прохаживал,
На добром коне никто да не проезживал.
Как у той ли-то у Грязи-то у Черной,
Да у той ли у березы у покляпыя,
Да у той ли речки у Смородины,
У того креста у Леванидова
Сидит Соловей-разбойник во сыром дубу,
Сидит Соловей-разбойник Одихмантьев сын.
А то свищет Соловей да по-соловьему,

Он кричит, злодей-разбойник, по-звериному.
И от его ли-то от посвиста соловьего,
И от его ли-то от покрика звериного
То все травушки-муравы уплетаются,
Все лазоревы цветочки осыпаются,
Темны лесушки к земле все приклоняются,
А что есть людей – то все мертвы лежат.
Прямозжею дороженькой – пятьсот
 есть верст,
Ай окольной дорожкой – целая тысяча».

Он спустил добра коня да и богатырского,
Он поехал-то дорожкой прямоезжею.
Его добрый конь да богатырский
С горы на гору стал перескакивать,
С холмы на холму стал перемахивать,
Мелки реченьки, озерка промеж ног спущал.
Подъезжает он ко речке ко Смородинке,
Да ко тоей он ко Грязи он ко Чернойей,
Да ко той ли ко березе ко покляпывая,
К тому славному кресту ко Леванидову.
Засвистал-то Соловей да по-соловьему,
Закричал злодей-разбойник по-звериному,
Так все травушки-муравы уплетались,
Да лазоревы цветочки осыпались,
Темны лесушки к земле все приклонялись.
Его добрый конь да богатырский
А он на корзни да спотыкается.
А и как старый-то казак да Илья Муромец
Берет плеточку шелковую в белую руку,
А он бил коня да по крутым ребрам,
Говорил-то он, Илья, да таковы слова:
«Ах ты, волчья сыть да травяной мешок!
Али ты идти не хошь, али нести не можь?
Что ты на корзни, собака, спотыкаешься?
Не слыхал ли посвиста соловьего,
Не слыхал ли покрика звериного,
Не видал ли ты ударов богатырских?»
А и тут старый казак да Илья Муромец,
Да берет-то он свой тугой лук разрывчатый,
Во свои берет во белые он во ручушки,
Он тетивочку шелковую натягивал,
А он стрелочку каленую накладывал.
Он стрелил в того-то Соловья-разбойника,
Ему выбил право око со косицею,
Он спустил-то Соловья да на сыру землю,
Пристегнул его ко правому ко стремячку
 булатному.

Он повез его по славну по чисту полю,
Мимо гнездышка повез да соловьиного.

Во том гнездышке да соловьином
А случилось быть да и три дочери,
А и три дочери его любимые.
Больша дочка – эта смотрит во окошечко
 косящато,
Говорит она да таковы слова:
«Едет-то наш батюшка чистым полем,
А сидит-то на добром коне,
И везет он мужичища-деревенщину
Да ко правому ко стремени прикована».
Поглядела его друга дочь любимая,
Говорила-то она да таковы слова:
«Едет батюшка раздольцем чистым полем,
Да и везет он мужичища-деревенщину
Да и ко правому ко стремени прикована».
Поглядела его меньша дочь любимая,
Говорила-то она да таковы слова:
«Едет мужичище-деревенщина,
Да и сидит мужик он на добром коне,
Да и везет-то наша батюшка у стремени,
У булатного у стремени прикована —
Ему выбито-то право око со косицею».
Говорила-то она да таковы слова:
«Ай же мужевья наши любимые!
Вы берите-ка рогатины звериные
Да бегите-ка в раздольце чисто поле,
Да вы бейте мужичища-деревенщину!»
Эти мужевья да их любимые,
Зятевья-то есть да соловьиные,
Похватали как рогатины звериные,
Бежали-то они да во чисто поле
Ко тому ли к мужичишу-деревенщине
Да хотят убить-то мужичища-деревенщину.
Говорит им Соловей-разбойник
 Одихмантьев сын:
«Ай же зятевья мои любимые!
Побросайте-ка рогатины звериные,
Вы зовите мужика да деревенщину,
В свое гнездышко зовите соловьиное,
Накормите его ествушкой сахарною,
Да вы пойте его питьцем медвяным,
Да и дарите ему дары драгоценные!»
Эти зятевья да соловьиные
Побросали-то рогатины звериные,
Ай зовут-то мужика да деревенщину
Во то гнездышко да соловьиное.
Да мужик-то деревенщина не слушался,
А он едет-то по славному чисту полю
Прямоезжею дорожкой в стольный Киев-град.

Он приехал-то во славный стольный Киев-град
А ко славному ко князю на широкий двор.
Ай Владимир-князь он вышел
из божьей церкви,
Он пришел в палату белокаменну,
Во столовую свою во горенку,
Они сели есть да пить да хлеба кушати,
Хлеба кушати да пообедати.
Ай тут старый казак да Илья Муромец
Становил коня да посередь двора,
Сам идет он во палаты белокаменны.
Приходил он во столовую во горенку,
На пяди он дверь-то поразмахивал,
Крест-то клал он по-писаному,
Вел поклоны по-ученому,
На все три, на четыре на сторонки низко
кланялся,
Самому князю Владимиру в особину,
Еще всем его князьям он подколенным.
Тут Владимир-князь стал молодца
выспрашивать:
«Ты скажи-ко, ты откулешний, дородный
добрый молодец,
Тебя как-то, молодца, да именем зовут,
Величают, удалого, по отчеству?»
Говорил-то старый казак да
Илья Муромец:
«Есть я с славного из города из Мурома,
Из того села да с Карачарова,
Есть я старый казак да Илья Муромец,
Илья Муромец да сын Иванович».
Говорит ему Владимир таковы слова:
«Ай же старый казак да Илья Муромец!
Да и давно ли ты повыехал из Мурома
И которою дороженькой ты ехал
в стольный Киев-град?»
Говорил Илья да таковы слова:
«Ай ты, славный Владимир стольнокиевский!
Я стоял заутреню христовскую во Муроме,
Ай к обеденке поспеть хотел я в стольный
Киев-град,
То моя дорожка призамешкалась.
А я ехал-то дорожкой прямоезжею,
Прямоезжею дороженькой я ехал мимо-то
Чернигов-град,
Ехал мимо эту Грязь да мимо Черную.
Мимо славну реченьку Смородину,
Мимо славную березу ту покляпую,
Мимо славный ехал Леванидов крест».

Говорил ему Владимир таковы слова:
«Ай же мужичище-деревенщина,
Во глазах, мужик, да подлыгаешься,
Во глазах, мужик, да насмехаешься.
Как у славного у города Чернигова
Нагнано тут силы много-множество —
То пехотою никто да не прохаживал
И на добром коне никто да не проезживал,
Туда серый зверь да не прорыскивал,
Птица черный ворон не пролетывал.
А у той ли-то у Гязи-то у Черной,
Да у славной у речки у Смородины,
Ай у той ли у березы у поклапои,
У того креста у Леванидова
Соловей сидит разбойник Одихмантьев сын.
То как свищет Соловей да по-соловьему,
Как кричит злодей-разбойник по-звериному.
То все травушки-муравы уплетаются,
А лазоревы цветки прочь осыпаются,
Темны лесушки к земле все приклоняются,
А что есть людей, то все мертвы лежат».
Говорил ему Илья да таковы слова:
«Ты Владимир-князь да стольнокиевский!
Соловей-разбойник на твоём дворе.
Ему выбито ведь право око со косицею,
И он ко стремени булатному прикованный».
Тут Владимир-князь да стольнокиевский
Он скорошенько вставал да на резвы ножки,
Кунью шубоньку накинул на одно плечко,
Тут он шапочку соболью на одно ушко,
Выходил-то он на свой широкий двор
Посмотреть на Соловья-разбойника.
Говорил Владимир-князь да таковы слова:
«Засвищи-ко, Соловей, ты по-соловьему,
Закричи-ко, собака, по-звериному!»
Говорил Соловей-разбойник Одихмантьев сын:
«Не у вас-то я сегодня, князь, обедаю,
А не вас-то я хочу да и послушати.
Я обедал-то у старого казака Ильи Муромца,
Да его хочу-то я послушати».
Говорил Владимир-князь да стольнокиевский:
«Ай же старый казак ты Илья Муромец!
Прикажи-ко засвистать ты Соловьёю
да по-соловьему,
Прикажи-ко закричать да по-звериному».
Говорил Илья да таковы слова:
«Ай же Соловей-разбойник Одихмантьев сын!
Засвищи-ко ты во полсвиста соловьёго,
Закричи-ко ты во полкрика звериного».

Говорил-то ему Соловей-разбойник
Одихмантьев сын:
«Ай же старый казак ты Илья Муромец!
Мои раночки кровавы запечатались,
Да не ходят-то мои уста сахарные,
Не могу я засвистать да по-соловьему,
Закричать-то не могу я по-звериному.
А и вели-ка князю ты Владимиру
Налить чару мне да зелена вина.
Я повыпью-то как чару зелена вина, —
Мои раночки кровавы поразойдутся,
Да и уста мои сахарны порасходятся,
Да тогда я засвищу да по-соловьему,
Да тогда я закричу да по-звериному».
Говорил Илья-то князю он Владимиру:
«Ты Владимир князь да стольнокиевский,
Ты поди в свою столовую во горенку,
Наливай-ка чару зелена вина.
Ты не малую стопу – да полтора ведра,
Поднеси-ка Соловью-разбойнику».
Тут Владимир князь да стольнокиевский
Он скоренько шел в столову свою горенку,
Наливал он чару зелена вина,
Да не малу он стопу – да полтора ведра,
Разводил медами он стоялыми,
Приносил-то он ко Соловью-разбойнику.
Соловей-разбойник Одихмантьев сын
Принял чарочку от князя он одной ручкой,
Выпил чарочку ту Соловей одним духом.
Засвистал как Соловей тут по-соловьему,
Закричал разбойник по-звериному, —
Маковки на теремах покривились,
А околенки во теремах рассыпались.
От него, от посвиста соловьего,
Что есть людюшек, так все мертвы лежат,
А Владимир князь стольнокиевский
Куньей шубонькой он укрывается.
А и тут старый казак да Илья Муромец
Он скорешенько садился на добра коня,
И он вез-то Соловья да во чисто поле,
И он срубил ему да буйну голову.
Говорил Илья да таковы слова:
«Тебе полно-тко свистать да по-соловьему,
Тебе полно-тко слезить да отцов-матерей,
Тебе полно-тко вдовить да жен молодых.
Тебе полно-тко спущать сиротать
малых детушек!»
А тут Соловью ему и славу поют,
А и славу поют ему век по веку!

Из литературы XIX века

А. С. Пушкин

Сведения об авторе:

Александр Сергеевич Пушкин, величайший русский поэт, родился 6 июня 1799 года в Москве в семье офицера гвардии Сергея Львовича Пушкина и Надежды Осиповны Ганнибал, которая была внучкой А. П. Ганнибала, сына эфиопского князя. Пушкин окончил Царскосельский лицей, где вместе с ним учились многие из ставших потом знаменитыми поэтов. Уже в лицее Пушкин выделялся среди учеников. Его произведения высоко оценивали Г. Державин и В. Жуковский.

В 20-е годы XIX века Пушкин участвует в деятельности кружка «Арзамас», знакомится с русским философом П. Я. Чаадаевым, будущими декабристами. За распространение в списках политических антирелигиозных стихов и эпиграмм в 1820 г. Пушкин был сослан по приказу Александра I на юг России, а затем в имение родителей Михайловское. Лишь через год Пушкину было позволено вернуться из ссылки.

В 1830 году Пушкин женится на Н. Н. Гончаровой, а в 1837 году, вступаясь за честь жены, он был смертельно ранен на дуэли французским эмигрантом Жоржем Дантесом. 29 января поэт скончался в Петербурге. Тело Пушкина по распоряжению правительства было перевезено в Святые Горы (ныне Пушкинские Горы) близ села Михайловское, где поэт похоронен у Святогорского монастыря.

За те 37 лет, которые Пушкин прожил на свете, он создал множество произведений, которые позже легли в основу русского литературного классического наследия. Это и роман в стихах «Евгений Онегин», и такие поэмы, как «Руслан и Людмила», «Полтава», «Медный всадник», и повесть «Дубровский», и трагедия «Борис Годунов», и роман «Капитанская дочка», и «Повести Белкина», и сказки, и лирические стихотворения.

Полтава

Эпиграф к поэме взят из Байрона, в нем говорится о великом царе, на чью сторону переходят все и перед чьей силой склоняют голову. В Посвящении Пушкин говорит о своей бывшей возлюбленной, о своем чувстве к ней (мотив «Я вас любил...»).

Песнь первая

Богат и славен Кочубей.
Его луга необозримы;
Там табуны его коней
Пасутся вольны, нехранимы.
...
Кочубей богат и горд
Не долгогривыми конями,
Не златом, данью крымских орд,

Не родовыми хуторами,
Прекрасной дочерью своей
Гордится старый Кочубей.
И то сказать: в Полтаве нет
Красавицы, Марии равной.

Однако Мария славится не только своей красотой, но скромностью и умом. К Марии сватаются женихи из России и из Украины, но всем им отказывают. Тогда к ней сватов шлет сам гетман.

Он стар. Он удручен годами,
Войной, заботами, трудами;
Но чувства в нем кипят, и вновь
Мазепа ведает любовь.
...
Не столь мгновенными страстями
Пылает сердце старика,
Окаменелое годами.
Упорно, медленно оно
В огне страстей раскалено;
Но поздний жар уж не остынет
И с жизнью лишь его покинет.

Узнав о сватовстве старика, которому впору быть ей крестником, Мария лишается чувств. Два дня Мария не пьет, не ест, а на третий ее покои пустеют.

Никто не знал, когда и как
Она сокрылась. Лишь рыбак
Той ночью слышал конской топот,
Казачью речь и женской шопот,
И утром след осьми подков
Был виден на росе лугов.

Вскоре Кочубей узнает, что Мария бежала с гетманом. Всем становится ясно, почему она отказывала женихам, почему внимала речам гетмана, пела песни, им сложенные. Кочубей богат и знатен, он вполне в состоянии посвятить себя мщению за поруганную честь своей дочери:

Довольно у него друзей.
Свою омыть он может славу.
Он может возмутить Полтаву;
Внезапно средь его дворца
Он может мщением отца
Постигнуть гордого злодея;
Он может верною рукой
Вонзить... но замысел иной
Волнует сердце Кочубея.

Была та смутная пора,
Когда Россия молодая,

В бореньях силы напрягая,
Мужала с гением Петра.
Суровый был в науке славы
Ей дан учитель: не один
Урок неожиданный и кровавый
Задал ей шведской паладин.
Но в искушеньях долгой кары
Перетерпев судеб удары,
Окрепла Русь. Так тяжелой млат,
Дробя стекло, кует булат.

Шведы идут на Москву. На Украине тоже беспокойно:

Украина глухо волновалась,
Давно в ней искра разгоралась.
Друзья кровавой старины
Народной чаяли войны,
Роптали, требуя кичливо,
Чтоб гетман узы их расторг,
И Карла ждал нетерпеливо
Их легкомысленный восторг.
Вокруг Мазепы раздавался
Мятежный крик: пора, пора!
Но старый гетман оставался
Послушным подданным Петра.
Храня суровость обычайну,
Спокойно ведал он Украину,
Молве, казалось, не внимал
И равнодушно пировал.

Юные горячие головы упрекают гетмана в бессилии, говорят, что теперь самое время ударить по ненавистой Москве. Однако умудренный годами гетман не поддается на эти призывы, он понимает, что подобные шаги должны быть хорошо обдуманы. Мазепа вынужден для того, чтобы сохранить согласие в обществе, поддерживать отношения и с теми, кто стремится к войне, и со стариками, которые вспоминают о былой славе оружия:

Свободу славит с своевольным,
Поносит власти с недовольным,
С ожесточенным слезы льет,
С глупцом разумну речь ведет!
Не многим, может быть, известно,
Что дух его неукротим,
Что рад и честно и бесчестно
Вредить он недругам своим;
Что ни единой он обиды
С тех пор как жив не забывал,
Что далеко преступны виды
Старик надменный простирает;
Что он не ведает святыни,

Что он не помнит благостыни,
Что он не любит ничего,
Что кровь готов он лить как воду,
Что презирает он свободу,
Что нет отчизны для него.

Кочубей решает отомстить Мазепе, но не лично, а при помощи московских войск. Когда-то Мазепа и Кочубей были друзьями, вместе воевали, вели беседы.

Пред Кочубеем гетман скрытный
Души мятежной ненасытной
Отчасти бездну открывал
И о грядущих измененьях,
Переговорах, возмущеньях
В речах неясных намекал.

В то время Кочубей был предан гетману, теперь же думает об отмщеньи. Он обвиняет и дочь, хотя в сердце простил ее. Но семья покрыта позором, и Кочубей собирает «товарищей отважных», жена торопит его, призывает к мести. Заодно с Кочубеем оказывается Искра. Они решают на гетмана донести Петру, ищут того, кто доставит их бумагу.

Среди казаков, получивших от Марии отказ, был один, особо влюбленный в нее, который и после ее бегства не утратил своих чувств. Его-то и отправляют к Петру с доносом. Бумагу зашивают в шапку.

Между тем Мазепа, не чуя беды, подготавливает с «полномощным езуитом» (т. е. представителем католической церкви) «мятеж народный», который ему должен принести трон. Гетман плетет интриги, к нему приходят какие-то подозрительные личности, которых приводит и уводит «Орлик, гетманов делец», он подстрекает к выступлению против Москвы донское казачество (во главе с Булавиным), Бахчисарай, входит в переписку с Карлом. Но тут грянул гром: гетману...

Вельможи русские послали
В Полтаве писанный донос
И вместо праведных угроз,
Как жертве, ласки расточали;
И озабоченный войной,
Гнушаясь мнимой клеветой,
Донос оставя без вниманья,
Сам царь Иуду утешал
И злобу шумом наказанья
Смирить надолго обещал!

Мазепа прикидывается покорным, оправдывается, говорит, что издавна друг и покорный слуга русского царя. Заверяет, что никаких интриг не плетет, а напротив, всячески противится и с возмущением отвергает любые предложения врагов России. Одновременно Мазепа требует казни «клеветников» – Кочубея и Искры.

Мария, бедная Мария,
Краса черкасских дочерей!
Не знаешь ты, какого змия

Ласкаешь на груди своей.
Какой же властью непонятной
К душе свирепой и развратной
Так сильно ты привлечена?
Кому ты в жертву отдана?
Его кудрявые седины,
Его глубокие морщины,
Его блестящий, впалый взор,
Его лукавый разговор
Тебе всего, всего дороже:
Ты мать забыть для них могла,
Соблазном постланное ложе
Ты отчей сени предпочла.
...
Что стыд Марии? что молва?
Что для нее мирские пени,
Когда склоняется в колени
К ней старца гордая глава,
Когда с ней гетман забывает
Судьбы своей и труд и шум,
Иль тайны смелых, грозных дум
Ей, деве робкой, открывает?
И дней невинных ей не жаль,
И душу ей одна печаль
Порой, как туча, затмевает:
Она унылых пред собой
Отца и мать воображает;
Она, сквозь слезы, видит их
В бездетной старости, одних,
И, мнится, пеням их внимает....
О, если б ведала она,
Что уж узнала вся Украина!
Но от нее сохранена
Еще убийственная тайна.

Песнь вторая

Мазепа отягощен думами. Мария приходит к нему с ласками, он не отвечает на них. Тогда Мария начинает упрекать его в том, что он ее не любит.

Мазепа пытается разуверить ее. Но Мария не верит. Говорит, что он совсем ее позабыл – то в разъездах, то с военачальниками, то с иезуитом. Подозревает, что причиной тому – какая-то женщина. Ответки гетмана не действуют, и Мария настаивает на том, чтобы Мазепа открыл причину своей озабоченности. Мазепа признается, что в настоящий момент «кипит дело», которое давно он и его сторонники замыслили. Дело это в завоевании независимости Украины – и от Варшавы, и от Москвы. Княгиня Дульская (к которой ревнует Мария) и «оба короля» – союзники Мазепы в этом замысле и готовы выступить против Петра. Мария одобряет его стремление к трону – трону независимого государства. Мазепа говорит, что все может кончиться и плахой. Мария отвечает, что пойдет с ним на плаху. Клянется ему в любви. Тогда

Мазепа спрашивает, кто ей дороже – супруг или отец. Мария недоумевает, Мазепа настаивает на ответе. Мария говорит, что для него готова пожертвовать всем. Мазепа просит ее запомнить эти слова.

Тиха украинская ночь.
Прозрачно небо. Звезды блещут.
Своей дремоты превозмочь
Не хочет воздух. Чуть трепещут
Сребристых тополей листы.
Луна спокойно с высоты
Над Белой-Церковью сияет
И пышных гетманов сады
И старый замок озаряет.
И тихо, тихо все кругом...

В замке, однако, смятение, так как утром должна состояться казнь «доносчиков».

Кочубей сидит в тяжком раздумье в темнице. Смерть ему не страшна, ему лишь невыносима мысль, что он умрет неотомщенным. Он вспоминает свою прошлую жизнь, Полтаву, дочь...

В замке гремит ключ, Кочубей ожидает увидеть исповедника, но к нему входит «свирепый Орлик». На вопрос, что им еще от него надо, Орлик говорит, что гетман требует «еще признания» – где именно зарыты клады, которые Кочубей, по их сведениям, схоронил в Диканьке, так как кроме имения, которое теперь поступит в казну, гетман хочет получить и эти деньги. Кочубей отвечает:

Так, не ошиблись вы: три клада
В сей жизни были мне отрада.
И первый клад мой честь была,
Клад этот пытка отняла;
Другой был клад невозвратимый
Честь дочери моей любимой.
Я день и ночь над ним дрожал:
Мазепа этот клад украл.
Но сохранил я клад последний,
Мой третий клад: святую месть.
Ее готовлюсь богу снести.

Орлик говорит, чтобы Кочубей прекратил свои «бредни», угрожает пыткой. Кочубей просит оставить его в покое, говорит, чтобы о кладах спросили его дочь. Орлик зовет палача.

Тем временем Мазепа не спит. Он смотрит на спящую Марию, думает, что ее отец будет казнен, что чем ближе цель (трон), тем тверже должен он быть. Однако он опасается, как поведет себя Мария, когда узнает о казни своего отца. Жалеет, что связал себя любовью, ужасается, каким ударом будет для Марии, пожертвовавшей всем для него, весть о казни отца. Мазепа выходит в сад, ему не спится.

Наступает утро. Мария просыпается, ожидает увидеть рядом Мазепу, но перед ней стоит мать. Мать тайно проникла к дочери, чтобы та попросила о смягчении участи своего отца – чтобы казнь была отменена. Мария не понимает, какая казнь, мать ей все рассказывает. Мария падает без чувств.

Народ собирается в поле возле помоста, на котором должна состояться казнь. Приезжает гетман. Затем появляется телега с Кочубеем и Искрой. Люди молятся, осужденные всходят на помост.

Крестьясь, ложится Кочубей.
Как будто в гробе, тьмы людей
Молчат. Топор блеснул с размаху,
И отскочила голова.
Все поле охнуло. Другая
Катится вслед за ней, мигая.
Зарделась кровию трава —
И сердцем радуясь во злобе
Палач за чуб поймал их обе
И напряженной рукой
Потряс их обе над толпой.

После казни «народ беспечный» идет домой, говоря о своих повседневных делах и заботах. На телегу поднимают трупы. В это время прибегают две женщины – Мария и ее мать. Им говорят, что «поздно».

Мазепа приезжает домой, спрашивает Марию, но ее нигде нет. Ее начинают искать. Идет время, но Мария не появляется. Гетман запирается в своих покоях, проводит ночь без сна. Утром возвращаются слуги на уставших взмыленных конях: их поиски окончились безрезультатно.

Песнь третья

Несмотря на душевную печаль, гетман продолжает свои сношения со шведским королем. Но чтобы скрыть свою активность, он прикидывается больным, жалуется на старость, немощь, даже призывает духовника. Время шло.

И день настал. Встает с одра
Мазепа, сей страдалец хилый,
Сей труп живой, еще вчера
Стонавший слабо над могилой.
Теперь он мощный враг Петра.
Теперь он, бодрый, пред полками
Сверкает гордыми очами
И саблей машет – и к Десне
Проворно мчится на коне.

Украина встревоженно зашумела, народ начинает подниматься на войну.

Узнав о предательстве Мазепы, Петр приходит в ярость. В соборах его предают анафеме. Петр призывает семейства Искры, Кочубея, осыпает их милостями. Из ссылки призван и враг Мазепы Палей.

Войска Петра подходят к Полтаве. С другой стороны – войска Карла и Мазепы. Наутро должен состояться бой. Шведы спят, готовясь к битве. Только Мазепа не спит, беседует с Орликом. Он сетует, что они слишком поторопились, предвидит поражение. О Карле Мазепа говорит:

Что делать? Дал я промах важный:
Ошибся в этом Карле я.
Он мальчик бойкой и отважный;
Два-три сраженья разыграть,
Конечно, может он с успехом,
К врагу на ужин прискакать,
Ответствовать на бомбу смехом;
Не хуже русского стрелка
Прокрасться в ночь ко вражью стану;
Свалить как нынче казака
И обменять на рану рану;
Но не ему вести борьбу
С самодержавным великаном:
Как полк, вертеться он судьбу
Принудить хочет барабаном;
Он слеп, упрям, нетерпелив,
И легкомыслен, и кичлив,
Бог весть какому счастью верит;
Он силы новые врага
Успехом прошлым только мерит —
Сломить ему свои рога.
Стыжусь: воинственным бродягой
Увлёкся я на старость лет;
Был ослеплен его отвагой
И беглым счастьем побед,
Как дева робкая.

Орлик говорит, что еще не поздно переметнуться на сторону Петра. Мазепа отвечает, что примирение невозможно. Признается, что еще под Азовом, во время пира сказал смелое слово царю, а тот оттащил его за усы. Смирившись тогда с унижением, Мазепа дал сам себе клятву отомстить Петру. С тех пор он носил в себе злобу «как мать во чреве младенца носит». Мазепа считает, что послан Петру в наказание, называет себя «терном в листьях его венца». Добавляет, что унижений больше не потерпит ни за какие посулы и что кому кого держать за усы, решит заря.

Горит восток зарею новой.
Уж на равнине, по холмам
Грохочут пушки. Дым багровый
Кругами всходит к небесам
Навстречу утренним лучам.
Полки ряды свои сомкнули.
В кустах рассыпались стрелки.
Катятся ядра, свищут пули;
Нависли хладные штыки.
Сыны любимые победы,
Сквозь огонь окопов рвутся шведы;
Волнуясь, конница летит;
Пехота движется за нею
И тяжелой твердостью своею

Ее стремление крепит.
И битвы поле роковое
Гремит, пылает здесь и там,
Но явно счастье боевое
Служить уж начинает нам.
Пальбой отбитые дружины,
Мешаясь, падают во прах.
Уходит Розен сквозь теснины;
Сдается пылкой Шлипенбах.
Тесним мы шведов рать за ратью;
Темнеет слава их знамен,
И бога браней благодатью
Наш каждый шаг запечатлен.
Тогда-то свыше вдохновенный
Раздался звучный глас Петра:
«За дело, с богом!» Из шатра,
Толпой любимцев окруженный,
Выходит Петр. Его глаза
Сияют. Лик его ужасен.
Движенья быстры. Он прекрасен,
Он весь, как божия гроза.
Идет. Ему коня подводят.
Ретив и смирен верный конь.
Почуя роковой огонь,
Дрожит. Глазами косо водит
И мчится в прахе боевом,
Гордясь могущим седоком.

Уж близок полдень. Жар пылает.
Как пахарь, битва отдыхает.
Кой-где гарцуют казаки.
Ровняясь строятся полки.
Молчит музыка боевая.
На холмах пушки присмирив
Прервали свой голодный рев.
И се – равнину оглашая
Далече грянуло ура:
Полки увидели Петра.

И он промчался пред полками,
Могущ и радостен как бой.
Он поле пожирал очами.
За ним вослед неслись толпой
Сии птенцы гнезда Петрова —
В пременах жребия земного
В трудах державства и войны
Его товарищи, сыны:
И Шереметев благородный,
И Брюс, и Боур, и Репнин,

И, счастья баловень безродный,
Полудержавный властелин.

И перед синими рядами
Своих воинственных дружин,
Несомый верными слугами,
В качалке, бледен, недвижим,
Страдая раной, Карл явился.
Вожди героя шли за ним.
Он в думу тихо погрузился.
Смущенный взор изобразил
Необычайное волнение.
Казалось, Карла приводил
Желанный бой в недоуменье...
Вдруг слабым манием руки
На русских двинул он полки.

И с ними царские дружины
Сошлись в дыму среди равнины:
И грянул бой, Полтавской бой!
В огне, под градом раскаленным,
Стеной живою отраженным,
Над падшим строем свежий строй
Штыки смыкает. Тяжкой тучей
Отряды конницы летучей,
Браздами, саблями звуча,
Сшибаясь, рубятся с плеча.
Бросая груды тел на груды,
Шары чугунные повсюду
Меж ними прыгают, разят,
Прах роют и в крови шипят.
Швед, русский – колет, рубит, режет.
Бой барабанный, клики, скрежет,
Гром пушек, топот, ржанье, стон,
И смерть и ад со всех сторон.

Внезапно какой-то казак пытается из вражеского стана прорваться сквозь битву к Мазепе. Его останавливает лишь выстрел Войнаровского (сподвижника Мазепы). Гетман подходит к нему, пытаясь понять, почему молодой казак так стремился к нему «сквозь битву с саблею в руках, с безумной яростью в очах». Но «был мрачен помертвелый лик, и имя нежное Марии чуть лепетал еще язык».

Но близок, близок миг победы.
Ура! мы ломим; гнутся шведы.
О славный час! о славный вид!
Еще напор – и враг бежит.
И следом конница пустилась,
Убийством тупятся мечи,
И падшими вся степь покрылась

Как роем черной саранчи.

Пирует Петр. И горд и ясен
И славы полон взор его.
И царской пир его прекрасен.
При кликах войска своего,
В шатре своем он угощает
Своих вождей, вождей чужих,
И славных пленников ласкает,
И за учителей своих
Заздравный кубок подымает.

...

Верхом, в глуши степей нагих,
Король и гетман мчатся оба.
Бегут. Судьба связала их.

Внезапно, осмотревшись, Мазепа замечает хутор и узнает дом, в котором жила Мария. Он прищпоривает коня и, далеко объезжая хутор, несется прочь во весь опор. Беглецы ночуют у берега Днепра. Внезапно чуткий сон Мазепы прерывается – его кто-то зовет.

Глядит: над ним, грозя перстом,
Тихонько кто-то наклонился.
Он вздрогнул как под топором...
Пред ним с развитыми власами,
Сверкая впалыми глазами,
Вся в рубище, худа, бледна,
Стоит, луной освещена...
«Иль это сон?... Мария... ты ли?»

У Марии помутился рассудок. Она говорит, чтобы Мазепа говорил тише, иначе его услышат ее родители. Добавляет, что мать отговаривает ее бежать с ним: говорит, что отец умер, и даже показала какую-то голову, которая, по словам Марии, была вовсе не человеческая, а волчья. Она вспоминает о том, как они с Мазепой в ночи вместе гуляли. Внезапно она заявляет, что

Я принимала за другого
Тебя, старик. Оставь меня.
Твой взор насмешлив и ужасен.
Ты безобразен. Он прекрасен:
В его глазах блестит любовь,
В его речах такая нега!
Его усы белее снега,
А на твоих засохла кровь!...»
И с диким смехом завизжала,
И легче серны молодой
Она вспрыгнула, побежала
И скрылась в темноте ночной.

Утром Карл и Мазепа продолжают свой путь – Карл к себе на родину, Мазепа – в изгнание.

Прошло сто лет – и что ж осталось
От сильных, гордых сих мужей,
Столь полных волею страстей?
Их поколение миновалось —
И с ним исчез кровавый след
Усилий, бедствий и побед.
В гражданстве северной державы,
В ее воинственной судьбе,
Лишь ты воздвиг, герой Полтавы,
Огромный памятник себе.
В стране – где мельниц ряд крылатый
Оградой мирной обступил
Бендер пустынные раскаты,
Где бродят буйволы рогаты
Вокруг воинственных могил, —
Останки разоренной сени,
Три углубленные в земле
И мхом поросшие ступени
Гласят о шведском короле.
С них отражал герой безумный,
Один в толпе домашних слуг,
Турецкой рати приступ шумный,
И бросил шпагу под бунчук;
И тщетно там пришлец унылый
Искал бы гетманской могилы:
Забыт Мазепа с давних пор!
Лишь в торжествующей святыне
Раз в год анафемой доныне,
Грозя, гремит о нем собор.
Но сохранилася могила,
Где двух страдальцев прах почил:
Меж древних праведных могил
Их мирно церковь приютила.
Цветет в Диканьке древний ряд
Дубов, друзьями насажденных;
Они о праотцах казненных
Доныне внукам говорят.
Но дочь преступница... преданья
Об ней молчат. Ее страданья,
Ее судьба, ее конец
Непроницаемою тьмою
От нас закрыты. Лишь порою
Слепой украинский певец,
Когда в селе перед народом
Он песни гетмана бренчит,
О грешной деве мимоходом
Казачкам юным говорит.

Медный Всадник

Вступление

На берегу пустынных волн
Стоял он, дум великих полн,
И в даль глядел. Пред ним широко
Река неслася; бедный челн
По ней стремился одиноко.
По мшистым, топким берегам
Чернели избы здесь и там,
Приют убогого чухонца;
И лес, неведомый лучам
В тумане спрятанного солнца,
Кругом шумел. И думал он:
«Отсель грозить мы будем шведу.
Здесь будет город заложен
На зло надменному соседу.
Природой здесь нам суждено
В Европу прорубить окно,
Ногою твердой стать при море.
Сюда по новым им волнам
Все флаги в гости будут к нам —
И запируем на просторе».
Прошло сто лет – и юный град,
Полночных стран краса и диво,
Из тьмы лесов, из топи блат
Воснесся пышно, горделиво;
Где прежде финский рыболов,
Печальный пасынок природы,
Один у низких берегов
Бросал в неведомые воды
Свой ветхий невод, ныне там,
По оживленным берегам,
Громады стройные теснятся
Дворцов и башен; корабли
Толпой со всех концов земли
К богатым пристаням стремятся;
В гранит оделася Нева;
Мосты повисли над водами;
Темно-зелеными садами
Ее покрылись острова,
И перед младшею столицей
Померкла старая Москва,
Как перед новою царицей
Порфиноносная вдова.

Люблю тебя, Петра творенье,
Люблю твой строгий, стройный вид,
Невы державное течение,
Береговой ее гранит,
Твоих оград узор чугунный,
Твоих задумчивых ночей
Прозрачный сумрак, блеск безлунный,
Когда я в комнате моей
Пишу, читаю без лампады,
И ясны спящие громады
Пустынных улиц, и светла
Адмиралтейская игла,
И, не пуская тьму ночную
На золотые небеса,
Одна заря сменить другую
Спешит, дав ночи полчаса.
Люблю зимы твоей жестокой
Недвижный воздух и мороз,
Бег санок вдоль Невы широкой,
Девичьи лица ярче роз,
И блеск, и шум, и говор балов,
А в час пирушки холостой —
Шипенье пенистых бокалов
И пунша пламень голубой;
Люблю воинственную живость
Потешных Марсовых полей,
Пехотных ратей и коней
Однообразную красоту;
В их стройно зыблемом строю
Лоскутья сих знамен победных,
Сиянье шапок этих медных,
Насквозь простреленных в бою;
Люблю, военная столица,
Твоей твердыни дым и гром,
Когда полнощная царица
Дарует сына в царский дом,
Или победу над врагом
Россия снова торжествует,
Или, взломав свой синий лед,
Нева к морям его несет
И, чуя вешни дни, ликует.
Красуйся, град Петров, и стой
Неколебимо, как Россия,
Да умирится же с тобой
И побежденная стихия;
Вражду и плен старинный свой
Пусть волны финские забудут
И тщетной злобою не будут
Тревожить вечный сон Петра!

Была ужасная пора:
Об ней свежо воспоминанье...
Об ней друзья мои, для вас
Начну свое повествованье.
Печален будет мой рассказ.

Часть 1

В Петрограде осень, Нева «металась, как больной в своей постеле беспокойной», молодой человек, Евгений, возвращается из гостей домой. Он «живет в Коломне, где-то служит, дичится знатных и не тужит ни о покойнице родне, ни о забытой старине».

Прийдя домой, Евгений раздевается, ложится, но долго не может заснуть. Он думает о том, что беден, что трудом должен себе «доставить и независимость и честь»;

Что мог бы Бог ему прибавить
Ума и денег; что ведь есть
Такие праздные счастливыцы,
Ума недалнего, ленивцы,
Которым жизнь куда легка!
Что служит он всего два года...
Он также думал, что погода
Не унималась; что река
Все прибывала; что едва ли
С Невы мостов уже не сняли,
И что с Парашей будет он
Дня на два, на три разлучен.

Наконец он засыпает. Утром он видит, что начинается наводнение:

Нева вздувалась и ревела,
Котлом клокоча и клубясь —
И вдруг, как зверь остервенясь,
На город кинулась. Пред нею
Все побежало; все вокруг
Вдруг опустело – воды вдруг
Втекли в подземные подвалы,
К решеткам хлынули каналы,
И всплыл Петрополь, как Тритон,
По пояс в воду погружен.

В городе начинается паника и неразбериха. Все оказывается в воде: «товар запасливой торговли, пожитки бедной нищеты, грозой снесенные мосты, гроба с размытого кладбища плывут по улицам!..»

Власти бессильны перед случившимся:

...В тот грозный год
Покойный царь еще Россией
Со славой правил. На балкон

Печален, смутен вышел он
И молвил: «С Божией стихией
Царям не совладеть». Он сел
И в думе скорбными очами
На злое бедствие глядел.

Евгений спасается: «на площади Петровой – где дом в углу вознесся новый, где над возвышенным крыльцом с поднятой лапой, как живые, стоят два льва сторожевые, на звере мраморном верхом, без шляпы, руки сжав крестом, сидел недвижимый, страшно бледный Евгений...» Он боится за свою возлюбленную, так как:

Почти у самого залива —
Забор покрашенный да ива
И ветхий домик: там оне,
Вдова и дочь, его Параша,
Его мечта... Или во сне
Он это видит? Иль вся наша
И жизнь ничто, как сон пустой,
Насмешка бога над землей?
И он как будто околдаван,
Как будто к мрамору прикован,
Сойти не может! Вкруг него
Вода и больше ничего!
И обращен к нему спиною
В неколебимой вышине
Над возмущенною Невою
Сидит с простертою рукою
Гигант на бронзовом коне».

Часть 2

Через некоторое время наводнение кончается:

Вода сбыла, и мостовая
Открылась. И Евгений мой
Спешит, душою замирая,
В надежде, страхе и тоске
К едва смилившейся реке.

Евгений находит лодку и перевозчика – «И перевозчик беззаботно его за гривенник охотно чрез волны страшные везет». Наконец —

Достиг он берега. Несчастный
Знакомой улицей бежит
В места знакомые. Глядит,
Узнать не может. Вид ужасный!
Все перед ним завалено;
Что сброшено, что снесено;

Скривились домики; другие
Совсем обрушились; иные
Волнами сдвинуты; кругом,
Как будто в поле боевом,
Тела валяются...

Евгений бежит к дому возлюбленной:

Что ж это? Он остановился.
Пошел назад и воротился.
Глядит... идет... еще глядит.
Вот место, где их дом стоит;
Вот ива. Были здесь ворота,
Снесло их, видно. Где же дом?
И полон сумрачной заботы,
Все ходит, ходит он кругом,
Толкует громко сам с собою —
И вдруг, удара в лоб рукою.
Захохотал...

Наступает ночь, затем утро, последствия наводнения начинают исчезать:

В порядок прежний все вошло
Уже по улицам свободным,
С своим безчувствием холодным,
Ходил народ. Чиновный люд,
Покинув свой ночной приют,
На службу шел. Торгаш отважный,
Не унывая, открывал
Невой ограбленный подвал,
Сбираясь свой убыток важный
На ближнем выместить. С дворов
Свозили лодки. Граф Хвостов,
Поэт, любимый небесами,
Уж пел бессмертными стихами
Несчастье невских берегов...

Но Евгений не оправился от потрясения:

...Мятежный шум
Невы и ветров раздавался
В его ушах. Ужасных дум
Безмолвно полон, он скитался.
Его терзал какой-то сон.
Прошла неделя, месяц — он
К себе домой не возвращался.
Его пустынный уголок
Отдал внаймы, как вышел срок,
Хозяин бедному поэту.

Евгений за своим добром
Не приходил. Он скоро свету
Стал чужд. Весь день бродил пешком,
А спал не пристани; питался
В окошко поданным куском;
Одежда ветхая на нем
Рвалась и тлела. Злые дети
Бросали камни вслед ему...

И так он свой несчастный век
Влачил, ни зверь ни человек,
Ни то ни се, ни житель света
Ни призрак мертвый... Раз он спал
У невской пристани. Дни лета
Клонились к осени. Дышал
Ненастный ветер. Мрачный вал
Плескал на пристань, ропща пени
И бясь о гладкие ступени,
Как челобитчик у дверей
Ему не внемлющих судей.
Бедняк проснулся. Мрачно было;
Дождь капал, ветер выл уныло,
И с ним вдали, во тьме ночной
Перекликался часовой...
Вскочил Евгений; вспомнил живо
Он прошлый ужас; торопливо
Он встал; пошел бродить и вдруг
Остановился – и вокруг
Тихонько стал водить очами
С боязнью дикой на лице.
Он очутился под столбами
Большого дома. На крыльце
С подъятой лапой, как живые,
Стояли львы сторожевые,
И прямо в темной вышине,
Над огражденною скалою,
Кумир с простертою рукою
Сидел на бронзовом коне.
Евгений вздрогнул. Прояснились
В нем страшно мысли. Он узнал
И место, где потоп играл,
Где волны хищные толпились,
Бунтуя злобно вокруг него,
И львов, и площадь, и того,
Кто неподвижно возвышался
Во мраке медною главой,
Того, чьей волей роковой
Над морем город основался...
Ужасен он в окрестной мгле!

Какая дума на челе!
Какая сила в нем сокрыта!
А в сем коне какой огонь!
Куда ты скачешь, гордый конь,
И где опустишь ты копыта?
О мощный властелин судьбы!
Не так ли ты над самой бездной,
На высоте, уздой железной
Россию поднял на дыбы?

Кругом подножия кумира
Безумец бедный обошел
И взоры дикие навел
На лик державца полумира.
Стеснилась грудь его. Чело
К решетке хладной прилегло,
Глаза подернулись туманом,
По сердцу пламень пробежал,
Вскипела кровь; он мрачен стал
Пред горделивым истуканом,
И, зубы стиснув, пальцы сжав,
Как обуянный силой черной,
«Добро, строитель чудотворный! —
Шепнул он, злобно задрожав, —
Ужо тебе!...» И вдруг стремглав
Бежать пустился. Показалось
Ему, что грозного царя,
Мгновенно гневом возгоря,
Лицо тихонько обращалось...
И он по площади пустой
Бежит и слышит за собой —
Как будто грома грохотанье —
Тяжело-звонкое скаканье
По потрясенной мостовой.
И, озарен луною бледной,
Простерши руку в вышине,
За ним несется Всадник Медный
На звонко-скачущем коне;
И во всю ночь безумец бедный
Куда стопы ни обращал,
За ним повсюду Всадник Медный
С тяжелым топотом скакал.
И с той поры, когда случилось
Идти той площадью ему,
В его лице изображалось
Смятенье; к сердцу своему
Он прижимал поспешно руку,
Как бы его смиряя муку;
Картуз изношенный снимал,

Смущенных глаз не подымал
И шел сторонкой. Остров малый
На взморье виден. Иногда
Причалит с неводом туда
Рыбак, на ловле запоздалый
И бедный ужин свой варит;
Или чиновник посетит,
Гуляя в лодке в воскресенье,
Пустынный остров. Не взросло
Там не былинки. Наводнение
Туда, играя, занесло
Домишко ветхий. Над водою
Остался он как черный куст.
Его прошедшею весною
Свезли на барке. У порога
Нашли безумца моего,
И тут же хладный труп его
Похоронили ради Бога.

Повести Белкина

Всего в «Повести покойного Ивана Петровича Белкина» входит 5 повестей: «Выстрел», «Метель», «Гробовщик», «Станционный смотритель», «Барышня-крестьянка».

В предисловии «от издателя» приводятся сведения об Иване Петровиче Белкине, которые «с большим трудом» были собраны у его знакомых. Для особо «дотошных» исследователей в сноске дается «пояснение», от кого именно Белкин слышал свои истории: «Смотритель» рассказан был ему титулярным советником А. Г. Н., «Выстрел» подполковником И. Л. П., «Гробовщик» приказчиком Б. В., «Метель» и «Барышня» девицею К. И. Т. Описывая нрав покойного Ивана Петровича Белкина, автор показывает жизнь человека ничем не примечательного, прожившего свою жизнь в своем имении. Белкин родился в селе Горюхине от «честных и благородных» родителей. Первоначальное образование получил от деревенского дьячка. Как отмечает автор устами знакомого покойного Белкина, «сему-то почтенному мужу был он, кажется, обязан охотою к чтению и занятиям по части русской словесности» (снова нарочитое снижение тона повествования). Восемь лет покойный служил в пехотном егерском полку (с 1815 по 1823 г., т. е. не принимая участия в военных действиях), после же смерти родителей вернулся в имение. Хозяйство он вел плохо, любые дела его вгоняли в сон, староста его воровал, дела были пущены «на волю Господа». Иными словами, Белкин был «добрый малый», чьей добротой пользовались все, кому не лень. Совершенно ничем не примечательный человек, как оказывается, оставил после себя большое количество произведений, которые столь же бесхитростны и просты, как и он сам. С этими бесхитростными произведениями столь же бесхитростно и обходятся: «... Иван Петрович оставил множество рукописей, которые частью у меня находятся, частью употреблены его ключницею на разные домашние потребности. Таким образом прошлую зимою все окна ее флигеля заклеены были первою частию романа, которого он не кончил». Смерть Белкина также заурядна: «Иван Петрович осенью 1828 года занемог простудною лихорадкою, обратившеюся в горячку, и умер, несмотря на неусыпные старания уездного нашего лекаря, человека весьма искусного, особенно в лечении закоренелых болезней, как то мозолей, и тому подобного». Напоследок сосед Ивана Петровича сообщает его

внешние, «особые» приметы, основная особенность которых состоит как раз в том, что в них нет ничего особенного: «Иван Петрович был росту среднего, глаза имел серые, волосы русые, нос прямой; лицом был бел и худощав». В конце письма сосед призывает автора напечатать эти бесхитростные произведения, считая, что публика должна оценить по достоинству доброту и искренность покойного Ивана Петровича.

Выстрел

I

Эпиграфом к «повести» взята фраза, состоящая всего из двух слов «Стрелялись мы», далее следует пояснение, что это Баратынский. Эпиграф носит ярко выраженный пародийный характер (гротеск: пустая фраза, которая лишь внешне соответствует теме повести; ниже, как и положено, дается имя известного писателя, хотя и не уточняется, где именно он это говорил).

Второй эпиграф строится по тем же канонам (взят из произведения А. Бестужева-Марлинского «Вечер на бивуаке»):

Я поклялся застрелить его по праву дуэли
(за ним остался еще мой выстрел).

Повествование начинается с сообщения рассказчика, что в ту пору они стояли в некоем местечке. Жизнь армейских офицеров скучна: «утром ученье, манеж; обед у полкового командира или в жидовском трактире; вечером пунш и карты».

«Один только человек принадлежал нашему обществу, не будучи военным. Ему было около тридцати пяти лет, и мы за то почитали его стариком. Опытность давала ему перед нами многие преимущества; к тому же его обыкновенная угрюмость, крутой нрав и злой язык имели сильное влияние на молодые наши умы. Какая-то таинственность окружала его судьбу; он казался русским, а носил иностранное имя. Некогда он служил в гусарах, и даже счастливо; никто не знал причины, побудившей его выйти в отставку и поселиться в бедном местечке, где жил он вместе и бедно и расточительно: ходил вечно пешком, в изношенном черном сюртуке, а держал открытый стол для всех офицеров нашего полка. Правда, обед его состоял из двух или трех блюд, изготовленных отставным солдатом, но шампанское лилось при том рекою. Никто не знал ни его состояния, ни его доходов, и никто не осмеливался о том его спрашивать. У него водились книги, большею частию военные, да романы. Он охотно давал их читать, никогда не требуя их назад; за то никто никогда не возвращал хозяину книги, им занятой. Главное упражнение его состояло в стрельбе из пистолета. Стены его комнаты были все источены пулями, все в скважинах, как соты пчелиные. Богатое собрание пистолетов было единственной роскошью бедной мазанки, где он жил. Искусство, до коего достиг он, было невероятно, и если б он вызвался пулей сбить грушу с фуражки кого б то ни было, никто б в нашем полку не усумнился подставить ему своей головы. Разговор между нами касался часто поединков; Сильвио (так назову его) никогда в него не вмешивался. На вопрос, случалось ли ему драться, отвечал он сухо, что случалось, но в подробности не входил, и видно было, что таковые вопросы были ему неприятны. Мы полагали, что на совести его лежала какая-нибудь несчастная жертва его ужасного искусства».

Однажды человек десять офицеров обедали у Сильвио. Пили, после обеда сели играть в карты, уговорив и Сильвио. Во время игры один из недавно переведенных в часть офицеров обсчитался. Сильвио его поправляет, возникает перепалка, офицер в конце концов, в бешенстве схватив со стола медный шандал, кидает его в Сильвио, который едва успевает откlo-

ниться от удара. Он просит офицера удалиться. Все присутствующие не сомневались в последствиях и уже «хоронили» своего товарища.

Однако на следующий день вызова не следует. Сильвио по-прежнему упражняется в стрельбе, «сажая пулю на пулю в туза». Проходит три дня, офицер жив, а Сильвио удовлетворяется невразумительными объяснениями.

Все мало-помалу забывается, но рассказчик, в силу своего «романтического» склада характера, полагал, что честь Сильвио была замарана и не омыта по его собственной вине. «Казалось, это огорчало его; по крайней мере я заметил раза два в нем желание со мною объясниться; но я избегал таких случаев, и Сильвио от меня отступился».

Однажды Сильвио получает пакет и, прочитав письмо, сообщает, что ночью ему надо отбыть по неотложным делам, затем приглашает офицеров в последний раз у него отобедать.

Во время обеда Сильвио намекает рассказчику, что им следует поговорить. Сильвио объясняет, что «перед разлукой хотел бы объясниться». «Вы могли заметить, что я мало уважаю постороннее мнение; но я вас люблю, и чувствую: мне было бы тягостно оставить в вашем ума несправедливое впечатление».

Сильвио объясняет свое «прощение» тем, что не имеет права подвергать свою жизнь даже малейшему риску. «Шесть лет тому назад я получил пощечину, и враг мой еще жив». Сильвио сообщает, что они дрались на дуэли и показывает «памятник» этого поединка – простреленную фуражку. Ранее Сильвио служил в гусарском полку и «был первым буйном по армии». Дуэли в полку случались поминутно, Сильвио на всех бывал или свидетелем, или действующим лицом. Он спокойно наслаждался своей славой, как в полку появился молодой человек богатой и знатной фамилии. «Отроду не встречал счастливца столь блистательного! Вообразите себе молодость, ум, красоту, веселость самую бешеную, храбрость самую беспечную, громкое имя, деньги, которым не знал он счета и которые никогда у него не переводились, и представьте себе, какое действие должен был он произвести между нами. Первенство мое поколебалось. Обольщенный моею славою, он стал было искать моего дружества; но я принял его холодно, и он безо всякого сожаления от меня удалился».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.